

Близилось шесть вечера. Высокая подсвеченная башня бизнес – центра ртутно-синим выпуклым фасадом смотрела на центральную площадь города. На шестнадцатом этаже, где располагалось управление крупной компании, занимавшей половину центра, Марина остановилась у прозрачной стены-окна своего кабинета, и некоторое время смотрела, как лежащий внизу город в наступающих сумерках превращается в россыпь огней. Потом, взглянув на часы, снова заходила туда-сюда, пытаясь успокоиться. Она здорово нервничала, чувствуя, вопреки страху, сильное возбуждение. Полчаса назад она заперлась в туалете, чтобы подготовить себя и сейчас глубоко вымытый намыленными пальцами и размякший от крема для рук анус покалывало теплыми иголочками. Тепло это поднималось к животу, и, несмотря на панцирь холодных мурашек под шерстяным платьем, растапливало изнутри — между ног ощутимо промокло. С этим, к своему стыду и изумлению, она ничего не могла поделать... Марина была высокой, стройной женщиной, с волнистыми черными волосами, и, одетая с безукоризненным вкусом, с яркой, слегка восточной внешностью в свои тридцать шесть выглядела лет на десять моложе. Она пришла в компанию восемь лет назад, и став эффектной бизнес-леди, осталась такой же свежей и привлекательной. Ее походка на острых высоких шпильках превращала скучные офисные коридоры в подиум, а смотрящих вслед мужчин заставляла испытывать острые приступы вожделения. Работу она обожала и, строгая к себе и подчиненным, сделала за эти годы успешную карьеру, чем по праву очень гордилась. Нравилось ей и искреннее, без заискиваний, уважение коллег и подчиненных, и место во главе длинного стола для совещаний в просторном отдельном кабинете со стеклянной стеной, открывавшей чудесный вид на лежащий внизу город. Уходя домой, она часто задерживала взгляд на черной, с золотистыми строгими буквами табличке «Финансовый директор» и тайком улыбалась себе. У тех редких людей, кому случилось видеть ее в эти мгновения, было ощущение, будто они столкнулись нос к носу с сытой, и потому сейчас неопасной, пантерой... Но сегодня от мыслей о предстоящем вечере ей было не до работы. Напряженная, она весь день тщетно пыталась сосредоточиться, и только железная выдержка скрывала от окружающих ее состояние. Кажется, никто ничего не заметил...

Оживший на столе смартфон заставил вздрогнуть. Ответив коротким: «Выхожу!», она начала быстро собираться. Через пару минут, надев серое пальто и сунув приготовленную заранее толстую папку документов в пакет, она уже шагала по коридору в сторону лифта.

Непривычно было уходить так рано, когда вокруг, в глубине офисов, раскаленная за день, еще бурлила деловая жизнь, наполняя коридор звуками. Слышалась реклама популярной городской FM – станции, кто-то спорил по телефону, гудели принтеры. В кабинете главного шло бурное обсуждение — гудели голоса, пахло сигаретным дымом. Оттуда навстречу ей вынырнула Ева, молоденькая секретарша. Она была миниатюрной блондинкой, с короткой стрижкой и длинной набок челкой. Закрывая дверь, Ева чуть не выронила из рук поднос, уставленный грязными кофейными чашками. При виде ее Марину передернуло от отвращения. Ева, заметив ее, виновато улыбнулась, и, когда поняла, что та идет домой, вежливо попрощалась. Марина едва заметно кивнула, не посмотрев в ее сторону и очутившись в конце коридора, вызвала лифт.

Пока лифт поднимался, гудя где-то внизу, она смотрела, как Ева, два раза споткнувшись, и

опять чуть не уронив поднос, семенит по коридору в сторону кухни. Уже год она работала секретаршей директора, а все была как новенькая. Она старалась и была неглупой, но по натуре неловкая и суетливая, все время что-то роняла или разбивала. Конечно, у нее такая секретарша не продержалась бы и трех дней, но поначалу она Марине даже нравилась. Что-то в этой двадцатилетней девушке было обезоруживающее наивное, и они часто болтали на кухне о всяких пустяках. Когда в первый месяц неуклюжей Евиной работы любимая кружка босса, подарок друзей, закончила жизнь на полу, он ее не уволил. Кто-то из работников был в этот момент в кабинете и видел, как шеф вскипел. На другой день за его дверью раздался сильный женский вскрик, а потом ее видели бегущей в туалет, раскрасневшуюся как после спортзала. После этого поползли слухи, что Ева исполняет несколько «другие» обязанности. Со временем это перестало быть секретом.

Ева и в самом деле исполняла эти самые обязанности. В них-то она знала толк — здесь ей доставало и ловкости и умения, и не было равных. На эти особые навыки она недвусмысленно намекнула директору на личном собеседовании, когда пришла устраиваться. И теперь в течение года каждый день почти трудилась ротиком под столом, прилежно проглатывая плоды своих трудов. Лишь раз в своем умении она оплощала — не выдержав директорского напора во время усердной содомии за разбитую кружку, вскрикнула, чем и выдала их. С тех пор в зад он ее брал, только заткнув рот скомкаными трусиками...

Когда Марине стало ясно, за какие заслуги Еву здесь держат, она, как и весь коллектив, прекратила с ней всякое, кроме делового, общение. Директор был женат, имел детей, и Марина начала презирать эту, пытающуюся казаться наивной, соску с окладом. По временам недоумевала — как худенькая Ева справляется — директор был мощный, спортивного телосложения мужчина. В остальном же особо не удивлялась, относилась к ней как к неизбежному злу высоких кабинетов и больших финансов. Но потом, когда все в жизни перевернулось, она возненавидела ее. Это из-за такой, как Ева, она сегодня стояла сегодня в туалете, согнувшись, и смазывала анус, шла сейчас мимо нее, в промокших трусах, готовясь переступить себя...

Подошел лифт, и Марина поехала вниз.

В холле охранник услужливо забрал поданные ему ключи, после чего стеклянная дверь бесшумно расступилась перед ней, и Марина вышла из центра в промозглый осенний вечер.
***

Желтый свет уличных фонарей лился в окна и растворял темноту квартиры. Из окна восьмого этажа двор новых домов, где он уже год снимал квартиру, был как на ладони. На соседнем доме горела фиолетово-зеленым неоновая вывеска «Прачечная». За окном дул холодный осенний ветер, идущие с работы люди ускоряли шаг, придерживали капюшоны. От каждой женской фигурки, идущей к его подъезду или подъезжающей машины, внутри у него все замирало. Она?... Нет. Условного стука в дверь все не было. От волнения, голого, его слегка зонило. Стараясь расслабиться, он вышел в прихожую снова все проверить.

На полу, почти у входной двери, было расстелено одеяло, под которым он спал. Тут же, рядом — чистое оранжевое полотенце, черный блестящий флакон смазки и стоящая на основании, как миниатюрный бокал, ядовито-розовая анальная пробка.

За десять минут любая мелочь могла помешать. Подумав, он взял тюбик, пооткрывал пробку и положил его обратно. Встал коленями на одеяло и несколько раз попробовал быстро отыскать эти предметы. Гладкий флакон приятно холодил кожу, после него теплая мягкость

силиконовой пробки казалась почти живой. Стоя так, он в который раз отметил, что одеяло достаточно мягкое и ногам не больно. Ей будет удобно.

«Все нормально, расслабься» — снова сказал он себе. Он старался не представлять ее здесь, в этой позе... — три недели воздержания превратили его в переполненную чашу, готовую пролиться от любой капли. Член напрягся, вздрагивал от каждого движения. Прислонившись спиной к прохладной стене, он постоял так, думая о работе, о предстоящей в понедельник планерке... Понемногу отпускало.

Успокоившись, он ушел в комнату и лег на кровать с телефоном. Просмотр бесконечных лент соцсетей с мемами и новостями облегчал мучившее ожидание — он не знал, когда она придет и придет ли. Лишь написала, что сегодня вечером и только. Поэтому прияя домой он, даже не поел, сразу принял душ, все подготовил и принялся ждать. Выключить свет тоже решил сразу, чтобы в нужный момент прекрасно ориентироваться в темноте.

Десять минут — это так мало! У него в первый раз и то было дольше. Хотя сейчас, с этой женщиной, которую никогда не видел, Саша, в свои двадцать пять лет, имея за плечами несколько отношений разной степени серьезности и закончившийся полугодовой гражданский брак, будто вновь готовился потерять девственность. Воображение рисовало сладкие картины, кружило голову — и он готов был дожидаться сколько угодно, делать все, что она скажет, как делал сейчас — лишь за намек ощутить ее или хотя бы увидеть.

За стенкой слышались шаги по лестнице. Лифт опять не работал, люди поднимались пешком. Было около семи вечера...

Это началось пару месяцев назад.

Саша тогда уже сидел на сайте знакомств, поставил фото, но отношения не завязывались. Красавцем он не был, толпы поклонниц здесь, как и в реальной жизни, в очередь не вставали. Интересы: литература и музыка в этих местах, тоже, видно спросом не пользовались. По временам возникали «плоские», без искорки, переписки с расспрашиванием друг о друге, когда он, человек неглупый, с развитым воображением и чувством юмора, откровенно скучал, не понимая, что вообще здесь делает. С одной, правда, встретились пару раз — сходили в кино, погуляли. На том все и кончилось. Хотя, если честно, и глубокого желания заводить серьезные отношения еще не появилось — прошлая неудачная попытка свежо сидела в памяти, а нехваткаекса не могла перебороть определенный нюанс его натуры — непременной дружбы ума для близости в постели. Так что в основном он просто рассматривал анкеты, фото, скрашивая нудный офисный день...

Однажды, вернувшись в понедельник с обеденного перерыва, он увидел, что на страничку заходили гости. Вернее — гостья.

В анкете Незнакомки, так она себя называла, фото не было, а кроме пола и одного с ним города лишь в графе «О себе» стояла заковыристая фраза, выдающая женщину лет тридцати пяти с неординарным умом и любовью к чтению. Фраза зацепила. Даже не содержание, а стиль, та изящная легкость, сквозившая в ней, показалась вдруг такой понятной и знакомой, словно была написана специально для него.

— Привет! — написал он. — Любите читать?

— А как ты догадался? — через некоторое время ответила она. В конце строки красовался веселый смайлик.

Тонкий ручеек возникшего разговора, с литературы перескочив на кино, затем на музыку через час несся стремительным потоком. Очнулся он в конце рабочего дня, когда все

засобирались домой, до сих пор не зная ее имени.

— Как же зовут Незнакомку? — спросил.

Так Марина поселилась в его голове.

Дни пролетали незаметно. Общение захватило его. Оно было тем самым, что заставляет незнакомых людей глупо улыбаться от восторга, от внезапного, до мурашек, мысленного контакта — когда в разговоре ни о чем понятны даже точки и междометия друг друга. Он наслаждался ей — этим насмешливым, но не злым тоном, манерой говорить, то ясно, четко, то дразнить воображение кучей смыслов и отсылок, которые с удовольствием подхватывал. Чувство юмора и острый язык, оригинальные, непредсказуемые реплики, уместные смайлики заряжали текст электричеством, рисуя в голове красивый, роскошный, сексуальный ее образ. Ответный интерес умной женщины старше себя льстил невероятно — Марина хотела знать о нем буквально все. Саша с удовольствием рассказывал о себе, иногда такое, о чем и близкие друзья не знали, отправлял разные фотографии, долго выбирая лучшие. Волнующая откровенность, простота ее — обезоруживали.

Но открытая в их отвлеченных разговорах обо всем, сама она оставалась загадкой, призрачным силуэтом из сети, исчезала вечером и на выходных, появлялась только в рабочее время и о себе ничего толком не рассказывала. Зная ее словно сто лет, он не знал о ней ничего и терялся в догадках. Почему, если верить ее словам, свободная женщина так скрытна, не дает номера телефона, других контактов, не показывает фото? Приходили разные, придающие остроты, мысли. От подобных вопросов она отшучивалась, кокетничала и уводила разговор в сторону, а он не настаивал, боясь разрушить эту магию. Общение затягивало...

Работа всталла. Дома он думал о ней, а когда приходил в офис, держал открытым проект лишь для вида, чтобы развернуть при виде проходящих рядом коллег. Слабые попытки сосредоточиться заканчивались передвиганием мышкой все тех же линий, начертанных еще в день знакомства. Мозг решительно отказывался подчиняться. Марина, кем бы она ни работала, временем явно располагала и писала постоянно, отлучаясь лишь временами. Каждый вечер, обещая себе со следующего дня начать работать, утром он видел ее «Привет!»... и наступал вечер.

Тем временем истекал срок сдачи проекта. У руководства начинались вопросы: «Когда будет готово?». «Это все, что ты сделал?!». Перспектива лишиться работы не радовала. Не самая лучшая, она оплачивала его самостоятельную жизнь на съемной квартире. В понедельник, через две недели, после очередного вызова «на ковер» Саша, наконец, решился. Весь день собирался с мыслями, волнуясь, как школьник и к вечеру осмелился очень тактично написать ей, что не может из-за работы общаться весь день. До закрытия оставалось полчаса, и когда оно отошла, отправил заранее приготовленный текст. Щеки пылали, сердце прибавило ходу. Но рабочий день кончился, а она так и не ответила. Это было странным и немного тревожило — обычно они всегда прощались перед уходом. «Неужели обиделась? Да нет, она поймет!» — успокаивал он себя. Он решил, что на сегодня с него хватит и отправился домой.

Однако ни завтра, ни послезавтра ответа он так и не дождался. Ее зеленый «Онлайн» исправно зажигался утром и гас вечером. Сообщений не было. Марина молчала.

Прошла неделя. Он скучал по ней. Чувство это, столь сильное, застало его врасплох. Марины не хватало. Больше не надо было без конца проверять, что она там ответила, изо всех сил держать лицо серьезным, после очередного выпущенного в него прикола... Мучимый неизвестностью, всю неделю он пытался достучаться до нее, писал в пустоту. Спрашивал —

куда пропала? Думал, разыгрывает — дурачился, слал улыбки, извинялся — может, чем обидел? Объяснял, что просто начальство припирает к стенке со сроками, а так бы он вообще не закрывал чат. Главное — это общение с ней. Называл себя идиотом. Просто просил сказать — что не так или послать тогда уж... И, наконец, осознав, что игры кончились, перестал — бросил короткое:

— Пока! — и закрыл сайт.

Магия исчезла, туман рассеивался. Навалились пустота и грусть, как поздней осенью в парке. Он только сейчас осознал, что все это время от общения с Мариной был словно в горячке, а сейчас очнулся. Чувство было как после тяжелой болезни, когда температура спадет, и начинаешь поправляться. Он удивлялся себе — никто еще так не влезал ему в голову, да еще в сети!

Наступали серые, но такие привычные, будни. Понемногу приходя в себя, спокойный и отдохнувший, Саша с удвоенным рвением принял за работу — она помогала встряхнуться, и сейчас была даже в радость.

Дела понемногу налаживались, он почти наверстал сроки. С сайтами знакомств он решил завязать и зашел удалить свою страницу. За это время ее посетило несколько гостей. Трое были девушки, что зашли после его давних визитов на их странички, и двое — незнакомых, недавно зарегистрированных. Одна из новеньких была симпатичной — светленькая, в очках, мило улыбалась на фото. Какая — то из них — может, она? — написала ему: горел значок нового сообщения. С некоторым беспокойством, Саша открыл Входящие. Но это была не светленькая.

Отправленное пятью часами позднее его отчаянного «Пока!» лежало Ее сообщение. Хотел он этого или нет, но сразу открыл его. Привычные к чтению глаза разом схватили начало.

Размерами и несколько старомодным тоном сообщение больше напоминало письмо.

« Здравствуй, Саша. Надеюсь застать момент, когда ты будешь читать это, и сейчас мы снова, как раньше, сидим, глядя друг на друга сквозь мониторы. Прошу только — прочти до конца. Просить о прощении я не смею. Надежда, что узнав все, ты не захочешь забыть столь недостойную, которой доверял свои мысли — мала. Но, слабая и гаснущая, она жива еще во мне. И прежде чем расстанусь с ней, побуду рядом. Пока не кончится письмо...»

Марина была на сайте и может, действительно, сидела сейчас перед монитором. Он поежился и продолжил читать. Смысл этих путаных, высокого слога полу-стихов доходил не сразу, но дальше тон поутих, сменился серьезными и пронзительными строчками открывающегося признания.

Вот что она рассказала.

Марина писала рассказы, но не совсем обычные. Это была порнография, грязная, жесткая, иногда шокирующая. Впервые она начала выкладывать свои творения в сеть, в сообщество таких же любителей буйных, иногда странных фантазий несколько лет назад. Появились первые читатели, некоторым понравилось. Удовольствие, что ее читают, и радость делиться сокровенным действовали как наркотик. Невинное развлечение переросло в тайную страсть. Она стыдилась ее, и, боясь позора, держала в строжайшей тайне, особенно от мужа. Знала — не поймет. Окажись на его месте, сама, вряд ли поняла бы. Но бросить уже не могла. Это стало ее маленьким секретом. Большим маленьким секретом.

Но со всем тайным известно, что случается. Два года назад из-за ее глупой оплошности муж наткнулся на эти тексты. Был жуткий скандал. В ярости, доходящий до истерики, он не

поверил, что все это — выдумки, а не описание ее похождений. В одночасье она из жены превратилась в «извращенку» и, почему — то — в « шлюху». Марину, даже в самых грязных и странных фантазиях никогда не помышлявшую о реальной измене, «шлюхой» этой было как по лицу, наотмашь... Брак затрещал, и не скрепленный детьми, распался.

Она тяжело пережила расставание, иногда, в самые нелегкие минуты, ненавидя себя и эти рассказы. Но продолжала писать, заглушая тоску и одиночество. Тайная страсть, принесшая боль, теперь помогала справиться с ней. Дни шли за днями и постепенно Марина воспряла духом. В новой жизни открывалось все больше приятных моментов — возможность писать, не скрываясь, и масса свободного времени на это. А еще — другие мужчины, новые ощущения. В основном это были несерьезные, мимолетные связи...

Одна из них, несерьезных, даже случайных, оставила неизгладимый след. Во время секса едва знакомый партнер, кажется, он называл себя Марк, неожиданно грубо и сильно брал ее, не давая опомниться. Марина кричала, полностью отдавалась ему, ощущая себя героиней собственных рассказов. Той ночью она много чего ощутила и попробовала в первый раз. В его огне реальность превзошла даже самые смелые выдумки, сгорев напоследок сокрушительным, близким к обмороку оргазмом. Вскоре, почти ничего не придумывая, она описала этот случай в следующем рассказе, быстро вышедшем в топ. Живой читательский интерес во многом был вызван достоверностью. Чувствовалось, что автор сам пережил все, что описывает. Чтобы сохранить свалившуюся на нее популярность и желая вновь пережить подобное, Марина уже осознанно, искала партнера — помогал интернет — и воплотила с ним фантазии намеченного рассказа. Это сработало во второй раз и срабатывало потом всегда. Но фантазии становились изощреннее, а воплощать их становилось все сложнее.

Ко времени их знакомства Марина уже долгое время искала «героя» для нового сюжета и не могла. Проблема возникала из-за короткой сцены с незнакомцем, в его доме, в полной темноте, куда героиня намеренно приходит, зная, что ее ждет, а после, получив свое, уходит. Все строилось на ощущении чистого быстрого сожития — без лиц и имен. Проделать такое в реальности с абсолютно незнакомым человеком она боялась, а узнай она его поближе, повстречайся для начала, как с прошлыми мужчинами — пропадет Незнакомец, не будет нужного эффекта.

В поисках решения парадокса она переписывалась на сайтах знакомств со многими, разными, молодыми и не очень людьми, присматривалась, пытаясь через общение понять человека, не находя сил довериться кому-то из них...

«Ты же показался мне милым, добрым человеком, не способным причинить зла. Дальнейшее общение только укрепляло первое впечатление, быстро превращаясь в нечто большее. Химия твоих слов проникала так глубоко-глубоко, что доставляла мне сильное ментальное, почти сексуальное, наслаждение — будто я лежу на мягких теплых простынях, в одних трусиках, а ты ласкаешь меня там, глядя в глаза. Я тянусь губами к тебе, пытаюсь спустить трусики, сбросить препятствие, чтобы пустить тебя, но ты не даешь — все продолжаешь, и смотришь, смотришь... Я поняла, что хочу шагнуть к тебе в темноту...»

В этом месте Саше пришлось прекратить чтение и придвигнуть стул плотнее к столу. Он осторожно огляделся. В их разговорах они не касались секса и тем более ее тела, и сейчас картинка трусиков, почему-то белых, на загорелом теле, ярко вспыхнула в мозгу. Возникшая в животе слабость разбудила член. Накатило возбуждение. Он закинул ногу на ногу и несколько минут концентрировался на расчетах, пытаясь переварить прочитанное.

Саша, конечно, знал о ее страсти к литературе, к чтению — они много раз это обсуждали, но такого предположить не мог. Эти рассказы попадались в сети, но читать не возникало желания, для мастурбации вполне хватало видео. Становились понятны нюансы ее поведения, вся эта скрытность, кокетничанье, игра в Незнакомку и бесконечные расспросы о нем. Многое вставало на свои места, но оставалось и много неясного. Немного погодя, надеясь получить ответы, особенно, почему молчала, Саша продолжил читать.

«... Но вместе с тем, наслаждаясь тобой, я не заметила, как из просто подходящего героя ты превратился в нечто большее, стал слишком важен для меня. Пугало, насколько я привязываюсь к тебе и что я могу тебя потерять — и уже не могла рассказать о целях знакомства. Не хотела причинить боль ставшему близким, родным человеку. Хватило одного раза. А когда поняла, что с тобой происходит то же самое — испугалась, запуталась и решила прекратить все разом, пока не поздно. Но не в силах объясниться — просто сбежала. Надеялась, что для тебя это все же развлечение от скуки на работе, и оно пройдет. Но как я ошибалась! Ты звал, искал меня — и сердце мое разрывалось. Когда ты окончательно простился со мной, поняла, что не могу так больше. Во мраке бессонных ночей затеплилась маленькая надежда, что ты примешь меня такой как есть. Можешь считать меня нимфоманкой, шлюхой, стервой, но я хочу к тебе, хочу ощутить тебя. Хочу, чтобы ты стал героем моего рассказа. Моим героем. Моим Незнакомцем.

Я не могу писать тебе сейчас, мне стыдно и тяжело. Если можешь, просто напиши — Да или Нет.

А потом, опережая его смятение и рой мыслей в голове, шел постскрипту. Она так и писала — «PS»:

«Саш, я понимаю, это все кажется тебе дикой, нелепой шуткой, или даже грубым разводом. Но это правда, а я настоящая — может мы даже живем где-то рядом. Я работаю менеджером в небольшой рекламной компании. После развода живу одна. Дома все время пишу, не выхожу в интернет. Давно так решила для себя — иначе затягивает, отвлекает. Поэтому общаемся лишь на работе. Но большого пока сказать не могу, объяснила — почему. Пока не могу... Ниже сюрприз от меня — думаю, он тебя убедит. И надеюсь — до встречи. А если нет — знай, у меня никогда ни с кем не было такого общения. Целую, Марина».

Ниже шла ссылка на файл. Эту фотографию вот уже три года с тех пор он хранит у себя.

Единственное свидетельство, что все происшедшее тогда ему не приснилось.

Она сделала ее телефоном с отменной, судя по высокому разрешению, камерой, сидя на рабочем месте. Видимо, когда все ушли. По ракурсу легко угадывалась ее поза в тот момент — с поднятой на бедрах узкой юбкой она полулежала в офисном кресле, положив призывающе раздвинутые ноги на стол, направив между ними телефон. Левая рука с длинными изящными пальцами держала сдвинутыми вбок белые трусики, достаточно, чтобы видеть все. Он видел каждый волосок стриженого лобка, каждую черточку кожи; влажный блеск приоткрытого лона завораживал. Оно приковывало взгляд, превращалось в пропасть, куда проваливались все его сомнения и страхи, и следом затягивало его самого. За резинку чулка была вставлена его фотография — уменьшенная и распечатанная на принтере аватарка с его анкеты.

Отчего-то подумалось, что эти же трусики были на ней, когда она писала ему письмо. Следом представилось, как Марк, о котором она поведала в своей исповеди, прижал ее к стене, голую, со спущенными трусами, и она кричит под его натиском...

Надо было проветриться. Он отпросился на час и пошел пр огуляться. В раздумьях бродил по улицам и почти непрерывно курил. На улицах шумело от машин, в голове шумело от мыслей. Он свернулся в небольшой скверик и присел на лавочку. Здесь было тихо. Небо ранней осени замерло бледнеющей синевой. В вышине, оставляя тонкий меловой след, плыла серебристая стрелка самолета. Саша смотрел в небо — оно успокаивало, помогало думать. И хотелось, и кололось. И тянула пропасть...

Наконец он решился. Вернулся и отстукал короткое «Да». И отправил поцелуй.

— Привет — почти сразу ответила Марина. Как видно, ждала.

Она тщательно начала посвящать его в детали своего плана, он отправлял ей фотки прихожей, чтобы она легко сориентировалась в темноте. План был не сложный, но содержал весьма непростой для Саши момент. Она просила его полного воздержания все это время, а еще заказать в интернете смазку и анальную пробку. Выбирать эти вещи для попы с ее владелицей, явившейся на фото «товар лицом» и при этом не мастурбировать — требовало неимоверных усилий, но он справился. Понимал, что в таком переполненном состоянии вряд ли даст осечку. Не понимал только возню с условным стуком в дверь. Она несколько раз сказала, буквально просила пообещать, что он откроет дверь только на такой стук, и ни в коем случае — на любой другой в тот вечер. Он обещал. Объяснить свою просьбу Марина отказалась наотрез, говорила — это раскроет сюжет, и ему неинтересно будет читать потом рассказ. Она взамен пообещала, что потом он обязательно прочтет его целиком, вместе с другими ее историями.

Общение продолжалось, теперь заиграв новыми красками в ожидании необычной встречи. Болтали по-прежнему обо всем. Оно больше не вредило его работе: Саша в свою очередь признался ей, что иногда ему нужно работать, и все время он не может переписываться «Что же ты сразу не сказал?!» — долго охала и извинялась Марина.

Так прошло три недели. А вчера она написала: «Милый, пусть это случится завтра,... сможешь?».

Сидя в темноте, он очнулся от своих мыслей. Часы показывали уже половину восьмого. А если она не придет? Если это все-таки глупая шутка? Стук женских каблуков каждый раз заставлял его напрягаться, но потом стихал, удаляясь...

Во двор вполз тонированный Range-Rover и остановился у подъезда, напротив вывески «Прачечная». В теплом салоне Вадим недовольно бросил Марине:

— Давай только не долго, а?

Сегодня, как обычно, забрав Марину с работы, он был зол и всю дорогу молчал — предстоящая сделка что-то не ладилась, да еще сделав большой крюк по ее просьбе, они час тащились по пробкам, что тоже не улучшало настроения. Марине это было только на руку — во рту пересыхало, и по голосу он мог заподозрить неладное. Пока что он верил в выдуманную сотрудницу, которая слегла с простудой, и в документы, срочно понадобившиеся к понедельнику, которые эта самая сотрудница не успела подписать.

— Ну конечно, говорю же — минут пятнадцать, подпишет бумаги, и все! — ответила Марина, а затем, чуть помедлив, заискивающе прильнула к мужу. Погладила член, и слегка сдавив, несколько раз поцеловала в ухо с язычком. Так раньше часто, намекая на продолжение дома, или доводя до конца ртом прямо в машине, она задабривала его в плохом настроении. Но она уж и не помнила, когда они так делали в последний раз.

— О, что это с тобой сегодня? — удивился Вадим, а сам уже наклонял ей голову к натянувшему

штаны члену.

— Нет, нет, нет! я побежала! — выскользнув с улыбкой из его рук, Марина подхватила большой пакет, что везла с собой и вышла из машины.

— Ладно, придешь — договорим, — ухмыльнулся Вадим. — Кстати, может с тобой сходить? А то такая королева и без охраны?

— — Ага, и сляжешь к понедельнику, думаешь, без тебя будет толк от этих переговоров? — запротестовала она. — Сиди уже, охранник. Пальцы до боли сжались на массивной ручке Rovera.

— Ну да, протупят как всегда. — Деньги на кону стояли немалые даже по его меркам, а партнеры чего-то мудрили. Из теплой машины выходить не хотелось да и слечь, действительно, был не вариант. — Ладно, иди давай.

«Козлы заморские » — поморщился он, наблюдая, как Марина быстрым шагом идет к подъезду.

Откинувшись на спинку сиденья, он прибавил музыку, прикрыл глаза и вернулся к мыслям о сделке.

В подъезде Марина остановилась и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Навалилась слабость. Отговаривая его, она едва не запаниковала, впервые по-настоящему осознав, какую игру ведет. Это было самое опасное место и без того рискованной затеи. На случай, если Вадим, контролирующий каждый ее шаг, пойдет с ней, она и придумала условный стук, без которого Саша не откроет. При этом слабо представляла, как будет стоять там с Вадимом, и удивляясь, чего это сотрудница не открывает. Что могло произойти, не сдержи Саша обещания? Впрочем, она был полностью в ее руках. Ей не нужен был какой-нибудь самец, с которым могли возникнуть проблемы, а такой — не избалованный женским вниманием, романтичный, который поверил в ее «писательство». Высланная в нужный момент фотография добила его — кажется, он начал влюбляться. Что ж — это еще лучше...

Через пару минут Марина была в порядке. Сообразив, что лифт не работает, она устремилась вверх по лестнице.

Красавица, созданная истерзанным Сашиным воображением, потускнела бы сейчас перед Мариной настоящей. Быстро поднимаясь на восьмой этаж, ей удавалось делать это в тоже время с достоинством, едва касаясь ступенек, слегка наклонив голову. Также точно она вспыльчива в мысли коллег, помогающих себе рукой перед сном или во время скучного секса с женой, и была затем любима во всех мыслимых и немыслимых позах. Но флирт с ней даже самый безобидный, никто себе не позволял — отчасти потому, что она была замужем, да еще за каким — то крутым бизнесменом, отчасти побаивались — Марина такие дела сразу пресекала, за словом в карман не лезла. Измену она не допускала и в мыслях, поводов не давала, была верной женой. До сегодняшнего дня.

Вадим гордился броской женой, часто брал с собой на важные мероприятия, самодовольно наблюдая, как все подбирают слюни, но при этом ревновал жутко. Отсутствие с ее стороны поводов не мешало Вадиму самому находить их, видеть во всем. Практически сразу после замужества чудесные ухаживания сменились маниакальной подозрительностью и желанием полностью ограничить ее свободу. Куда нужно, он сам возил ее, как бы ни был занят — по магазинам, за продуктами, на работу и с работы. Без предупреждения мог приехать в рабочее время — якобы ехал мимо, решил заехать увидеться, и она допускала, что он может следить за

ней — пару раз замечала его подручных во время прогулок в обеденный перерыв. Веселые посиделки с подругами и походы с ними по магазинам — постепенно оставались в прошлом. Теперь были дети, огромный загородный дом, домашние заботы. Скрывать ей было нечего, такая ревность больше потешала и даже льстила, раздражая только изредка. Но за островок свободы — работу, она отчаянно боролась, не поддаваясь его настойчивым уговорам уволиться и полностью заняться домом. Там она, лидер по натуре, была сама себе хозяйкой и начальницей — сама собой. Вадиму она подчинилась осознанно, любя его и будучи сама с характером, признавала рядом только сильного мужчину, как он. С ним она оставляла в сторону независимость и была счастливой матерью, довольной жизнью.

Она до сих пор не знает, кто отправил то видео ей на почту. Скорее всего, «доброжелатели» Вадима — в конкурентах, врагах недостатка не было.

На нем в гостиничном номере Вадим с перекошенным лицом драл свою помощницу Лену сзади, притянув за волосы. Ближе к финалу они оказались лицом к камере, установленной в углу под потолком, и она узнала обоих. Одну руку он вывернул ей назад, заставляя держать ему член. Его частенько нужно было трогать там, чтобы он кончил. Звука не было, но безмолвно распахнутый рот Лены и без того, казалось, кричал Марине в самый мозг, минуя уши. Но она все равно смотрела, не в силах выключить. Прекратила только, когда он изливался ей в рот, в изнеможении навалившись на нее, и целуя в спину. Только тогда она заметила, что по щекам текут беззвучные, как это видео, слезы...

Женщины, что давно в браке, гораздо реже, чем можно думать, идут на разрыв, узнав об измене.

Причины разные — будь то дети, устроенная годами и такая привычная жизнь, страх, что будут показывать пальцем или просто неспособность к решительным действиям. Смиряясь и поступаясь собственным достоинством, многие и вовсе не подают вида, что узнали о предательстве. Но редко кто из них из них прощает.

В случае Мариной камнем преткновения стали дети. Она не допускала и мысли, что отец, которого так любят мальчики, будет приходящим. Уж решимости то ей, как и финансов, хватило бы.

Долгими бессонными ночами, после того, как Вадим слезал с нее и, отвернувшись, засыпал, она лежала в темноте, наедине со своими мыслями. Постепенно приходило осознание, что не порвет с ним, а чтобы не терять достоинства, скроет все от него и будет молча презирать.

Когда он раздвигал ее плоть, двигался, а потом пускал на живот струю спермы, она чувствовала отвращение. Особенно отвратительны были капли, медленными холдеющими струйками ползущие по бокам на простины. Она специально не шла мыться, и этим, еще не сознавая зачем, сильнее разжигала в себе злость, темным комом нараставшие внутри, заполнявшие все ее существо.

В том огне сжигавшего ее бешенства постепенно родился план тихой мести, незаметного удара в спину. Марину, сначала не представлявшую, как при тотальной слежке такое вообще возможно, внезапно посетила идея. С ней не только можно было обойти контроль, но и сделать месть в разы ярче.

Сам же план заключался в следующем. У Вадима было больное место. Он, хоть и прекрасно знал до свадьбы, что Мариночка не девственница, после свадьбы начал все сильнее и сильнее доставать ее этим, заводился, ревновал к прошлому до него. После большого скандала, когда понял, что довел ее уже конкретно, он понемногу успокоился, оставил эту тему. Помогало и

то, что в попке у супруги он побывал первый. Это служило компенсацией за не доставшуюся Мариночкину девственность. Проверить это по понятным причинам он не мог, но чуял угадывал, да и жена была с ним всегда откровенна. Она говорила правду. К тому же страх и волнение, когда он с большим трудом брал ее туда в первый раз, были неподдельными. С тех пор Марине не очень нравилось туда, но она уступала ему, когда он становился очень настойчивым.

Там была только его территория.

Марина решила ее осквернить, пустить туда другого мужчину. Если Вадим узнает, это будет сокрушительным ударом. Но она не станет ему говорить, нет. Достаточно, что она будет об этом знать. Всегда. Каждый раз, пуская мужа туда, она будет вновь и вновь испытывать моральное удовлетворение.

Марина точно знала, что месть принесет покой, остановит разрушающую ее изнутри ненависть. Даже только одни мысли о такой измене приносили успокоение. Но это была идея, а как осуществить все это, Марина представляла смутно. На тот момент она знала про сайты знакомств и на работе начала потихоньку просматривать их. Саша выглядел добрым и наивным на фотографии. От него не исходило опасности, сразу появилась уверенность, что с ним не будет проблем. Но главное — много младше ее, и младше помощницы Вадима. Ей и здесь не хотелось уступить мужу. На неделю затаившись, она с удовлетворением отмечала, что он полностью в ее власти и можно действовать. Саша как-то сразу начал говорить про книжки, и натолкнул Марину выдумать для него всю эту историю, что она писательница. Признаться, она сама не ожидала от себя такой фантазии. Читать она и вправду любила и, возможно, зачитанная до дыр «Эммануэль», когда книга только появилась в переводе, сделала свое дело. После знаменитой француженки, Марина читала другие подобные романы, знала и откровенные рассказы в сети. Само переписка зажигала в ней творческие искры, доселе тлевшие глубоко внутри. Она будто заново знакомилась с собой. Со временем она придумала, как обратить подозрительность Вадима в свою пользу — да так, что он сам привезет ее туда, и пока ее будут трахать, будет ждать, а потом будет везти ее домой, накачанную спермой...

На восьмом этаже никого не было. Она уверенно свернула от лестницы направо и остановилась у двери с номером 75. Рефлекторно осмотревшись и поправив волосы, Марина три раза негромко отстучала морзянкой первую цифру номера квартиры и отошла в сторону от дверного глазка. Стук напоминал крик болельщиков известной команды. Сначала было тихо, потом щелкнул замок, но дверь не открылась. Все шло по плану. «Сейчас еще можно вернуться, уйти...» — вопило в голове. Но Марина повернула ручку и медленно приоткрыла дверь — света внутри не было. Она глянула по сторонам, этаж был пуст,... и шагнула в темноту.

Когда он услышал стук, то вскочил с дивана и едва совладал с желанием открыть дверь и броситься к ней. Он даже забыл, что совсем голый. Но потом открыл и также неслышно, как вышел, скрылся в комнате. Затаил дыхание и стал ловить каждый звук, доносящийся из прихожей, когда закрылась дверь. Она была здесь.

Каблуки пару раз глухо стукнули о линолеум, затем их стало не слышно — одеяло заглушило звук. Зашуршал поставленный на пол пакет. Стукнуло пуговицами о крышку комода сброшенное пальто. Он почувствовал аромат женских духов, смешанный со свежестью улицы, едва уловимый, как и ее сдерживаемое, прерывистое дыхание. Щелкнула крышечка смазки.

«... она смазывает себя, господи, она сейчас смазывает себя... « Скрипнул стул и все стихло. Тишина затягивалась, и он понял — пора.

Он вышел к ней. В темноте плохо, едва угадывалось, как она встала на колени, и лежит животом на стуле, с закинутым на спину платьем. Волосы переброшены вперед, руки обхватили спинку стула. Но белевшую попку и спущенные трусики, натянувшиеся на расставленных ногах, он видел очень отчетливо. Он встал и смотрел на это, впав в ступор. Очнулся, когда Марина пошевелилась и нервно кашлянула; осознал, что вообще происходит. Дальнейшее казалось сном.

Его била дрожь, но стояло колом. Месяц на привязи мог побороть и не такое волнение. А нервничал Саша помимо происходящего вот еще отчего — в одном он, все же, соврал тогда своей раскованной собеседнице. У него не было опыта анального секса, девушка, с которой жил, была зажатая, и не дошло даже до попыток раскрыть ее там. Все познания сводились к порно, где знайные красавицы изнывали от желания получить в попу экземпляром покрупнее и потом выли от удовольствия. Входило и выходило у них там все очень легко. Саша просто не в силах был в этом признаться, когда узнал, что она задумала.

Он подобрал с пола смазку и обильно выдавил в ладонь. От скольжения рук по члену заныло во всем теле. Полотенце лежало на полу, где и смазка. Марина положила их слева, как они условились. Он вытер руки и опустился позади нее на колени.

Близость обнаженного тела завораживала. Касаться попы и талии она разрешила. От ее нежной кожи ладони будто было током. Марина подалась к нему, и головка уперлась между ягодиц. Все выходило сложнее, чем со щелкой подружки. От его нажима попа вдавливалась, плотно сомкнутая, как капризный ротик, не желающий сосать. Марина пыталась расслабиться, стала дышать медленно и очень глубоко. Наконец, колечко вздрогнуло и раскрылось. Сжатая головка больше не елозила в скользкой расщелине. Попа поддавалась и Саша осмелел. Он помнил ее «не церемонься» и в попытке не разочаровать такую искушенную женщину, сжал талию и вошел быстро и полностью, просто упал в нее, как поступал с влагалищем своей девушки. Как поступали с попами девушек молодцы в порно. Только здесь было дико тесно и одуряющее сладко.

Марина, не привычная к таким вторжениям, кое-как сдержала вскрик и вцепилась в стул. Она инстинктивно дернулась вперед, согнувшись, чтобы соскочить, но лишь впечаталась бедрами в кромку сиденья. Стул дернулся и уперся в стену. «Блять, как же там узко!» — пронеслась мысль. Охватила паника. На глазах выступили слезы. Казалось, что ее через зад пригвоздили чем-то огромным и продолжают медленно приколачивать. В тот момент она едва не выбежала в подъезд, как была, со спущенными трусами. Но она боялась остановить Сашу, сбить с толку — он и так явно на пределе, может прийти в замешательство и разрушить ее планы. Она закусила палец и терпела, насколько хватало сил.

У него был больше, чем у Вадима, много позже она нашла это даже забавным. Но сейчас, когда он пробивался в нее сзади, мысленно хвалила себя, что строго-настрого предупредила его двигаться медленно. Боялась, что иначе вспотеет и это ее выдаст, когда она вернется к мужу.

Первый испуг проходил, стало легче и вместо страха приходило возбуждение. За столько лет брака она уже забыла, что такое другой мужчина. Увидела себе со стороны, стоящую раком на полу, в то время как чужой член до боли растягивает ее задницу, а муж ждет внизу. Охватило желание, она начала сначала медленно, потом все сильней толкаться ему навстречу, снова

сдерживая стоны, но теперь удовольствия. Вагина, будто лопнув от этого натиска, как надрезанный спелый плод, засочилась влагой.

Следующие несколько минут растянулись в вечность. Он двигался, вталкивая в нее все воздержание, все время, проведенное без женщин. Казалось — воздух, наполненный ее запахом, темнота, все вокруг обратилась в эту тугую влажную пульсирующую глубину. Она раскрывалась навстречу сладкой пропастью, тянула за край, он чувствовал, что вот-вот сорвется в нее... но не срывался. Может, не хватало короткой, но дикой и быстрой финальной схватки; может он перевозбудился; перенервничал, думая успеть, или просто непривычное ощущение тесноты, что давало невероятные ощущения, в тоже время пережимало его. Чем больше он хотел кончить, тем сложнее и сложнее это становилось сделать. «Ну же, мальчик мой, давай» — раз за разом хрипло шептала Марина. Но Сашу заклинило...

Вдруг она схватила его за руку, призывая остановиться. Когда он вышел из нее, Марина легла на пол и увлекла его за собой. Он лег на нее и вошел, ощущив животом скользкое влагалище. Она сжала его ногами и притянула за шею. Втолкнула ему в рот язык и начала медленно двигать им, будто пытаясь достать до горла. Теперь она управляла им. Саша послушно задвигался в такт этому мокрому, сосущему рту...

... Вадим посмотрел на часы — прошло уже двадцать минут, а Марине еще не было. «Быстро называется!» — подумал он и вышел из машины. Он злился, что она задерживается, но еще бесило, что она завела его внезапными ласками и прервала на самом интересном месте. Он уже забыл, когда она сосала ему в машине последний раз. Раньше, когда страсть между ними высекала молнии, они делали это везде, в том числе и за рулем. Тогда это еще был не Ровер... Нахлынули воспоминания. Он хотел продолжения, хотел ее рот. Хотел ее, как раньше.

Посмотрел на окна дома, куда она зашла, походил вокруг машины, осматривая колеса. Было зябко, и он сел обратно. Он даже номера квартиры не спросил. Ничего не оставалось, как ждать...

Марина нужна была грязная измена, нужна была сперма. Она сжала ему лицо ладонями: «Остановись». Саша замер. Тогда Марина смочила палец и прижала ему анус. Саша заскулил, она лишь сильнее стиснула ему шею. Несколько секунд он ощущал медленный присасывающий поцелуй на плече. Затем, прикусив кожу, она воткнула палец ему в зад и начала лизать его распахнувшийся рот, двигая пальцем. Он задергался в конвульсиях, в глазах полыхнуло белым, и он закричал.

Марина только успела выдернуть палец и разжать ноги, как он подмял ее под себя и держал так все время, пока белые струи били, наполняли ее. Марина вздрогивала, принимая его. «... Люблю тебя... люблю тебя...» — шептал он как безумный и прижимался к ней мокрым лицом. Он плакал.

Все было кончено. Он лежал на ней, не в силах пошевелиться. Пришел в себя, когда она прошептала: «Нужно идти». Он аккуратно вышел из нее, кое-как нашел пробку и полотенце. Спермы было много, часть протекла на одеяло. Марина разверла ягодицы, и он запечатал пробкой переполненную Марину, вытер вокруг полотенцем и поднялся на ноги. Голова кружилась. Она натянула трусики, оправила платье и, повернув его лицом к стене, встала сзади на колени. Сил не чувствовать не осталось, уже отрешенно он понимал, что Марина зачем то лижет ему зад, потом встает и легонько подталкивает в комнату. Он послушно, пошатываясь, уходит и падает на диван.

Уже оттуда он слышал, как снова зашуршал пакет, как хлопнула дверь. Стук каблуков, так же

быстро, как в начале удалился.

В голове звенела пустота.

В подъезде Марина прислонилась к стене, ноги не держали. Бьющий по глазам свет возвращал к реальности. Марина, наконец, пришла в себя, проверила одежду и медленно пошла вниз, чувствуя распирающую зад пробку. Шаги отдавались сладкими толчками. Словно он все еще был в ней...

— Зай, прости, немного дольше получи... — начала было она, когда села в машину, но Вадим не дал ей договорить. Едва хлопнула дверца, как он притянул ее к себе и буквально впился в рот жадным поцелуем. Она с готовностью отвечала ему, пока он расстегивал штаны. Лучшего и придумать было нельзя. Марина готова была сейчас на что угодно, лишь бы он ничего не заметил. Рука на затылке сгребла ее волосы и рванула вниз. Марина распахнула рот и в следующую секунду уже билась носом о его живот, ощущая удары члена в самое горло. Он крепко держал ее за волосы и управлял как куклой. Не она делала минет, а он просто мастурбировал ее ртом. Давно Марина не видела в нем такого неистовства. Может, он каким-то шестым чувством уловил исходящие от нее волны похоти.

Не хватало воздуха — долго она так не продержится. Но долго и не потребовалось. Он зарычал, выгнулся на сидении, и ее рот начал раздуваться от спермы. Ощущение собственного бесстыдства нахлынуло и сломало ее. Она вдруг как-то сжалась, сползла коленями на пол, мелкая дрожь забила тело... и в следующий миг молния оргазма ударила по ней. Она закричала. Сперма выплеснулась Вадиму на член, штаны, на сиденье, потекла по подбородку. Она обхватила его бедра, выла, стонала, извиваясь всем телом, колотя ногами по салону. Вадим держал ее и обескуражено бормотал: «Девочка моя... ты же... ты кончила... да... умница... о да... ».

До самого дома они молчали. Марина лежала у него на плече, а он обнимал ее и гладил волосы. На светофорах они целовались.

***

Придя в понедельник на работу, Саша первым делом бросился открывать переписку, но пользователя с таким именем не было на сайте. Марина удалила анкету.

Прошло три месяца. Трехэтажный особняк за городом дремал в тишине заснеженных сосен. Вадим увез мальчишеч на каток, и Марина была дома одна. Она сидела в одной из комнат верхнего этажа за компьютером, и вот уже полчаса рассеяно глядела куда-то поверх монитора. Курсор мигал в начале чистой страницы. Она вспоминала. По лицу блуждала улыбка.

Вадим так ничего и не узнал. В тот вечер он уставший, и ублаженный в машине даже и не думал к ней приставать. Она сразу скользнула в ванную, избавилась от пробки, запахов и следов. Чистенькая и обновленная, перестав волноваться, сняв груз с плеч, она спала как убитая.

У них до сих пор шел всплеск сексуальной жизни. Марина сначала с мстительной радостью пускала его в анус, вспоминая тот вечер. Она неистовствовала, рычала и Вадим, не понимая, что творится с женой, сходил с ума вместе с ней, кончая в нее чуть не со слезами.

«Мариничка! Мариничка! — шептал они покрывал ее частыми, какими — то почти мальчишескими поцелуями. Отдаваясь ему в уже привыкающую попку, она вспоминала себя распятой на полу прихожей, и оргазмы били ее почти каждый секс с мужем. Все налаживалось. Он стал внимательнее к ней и был постоянно «голодный». Кажется, он

перестал трахать свою помощницу, стал нежен, как и раньше. Все было хорошо. Рука легла между ног и начала гладить там. Она свела ноги, лицо напряглось, словно от боли... Потом, встрепенувшись, она посмотрела на часы. Их не будет еще пару часов. « Саша, прости меня! » — подумала Марина, как думала о нем всякий раз, когда вспоминала. Мучила совесть. С тех пор, как все произошло, ей все чаще приходила в голову идея действительно написать об этом. Она надеялась, что когда-нибудь он прочтет это и простит ее. А еще надеялась, что ее попа была неплохим подарком за все.

Она сосредоточилась, какое-то время посидела еще, а потом набрала вверху страницы заголовок: «Незнакомец во мне».